

Виктор Скороходов

16+

Женщины
виноваты!

Рассказы

Виктор Скорыходов

Женщины виноваты!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58105034

SelfPub; 2020

Аннотация

Женщина. Как много мыслей рождаются у нас, когда мы слышим это слово. Никого и никогда оно не оставляет равнодушными: слишком много загадочного и привлекательного в нем. Женщины, как реки: нельзя найти двух одинаковых и нельзя войти в одну и ту же реку дважды. От темного до светлого – вот спектр женских характеров. Можно восторгаться женщинами, можно проклинать их, можно не понимать, но не любить их нельзя. Рассказы этого сборника посвящены женщинам, из зачастую нелегкой судьбе, их любви и счастью. Автор попытался лишь слегка прикоснуться к таинственному женскому характеру без попытки его разгадать – это невозможно. Настолько это прикосновение оказалось удачным – решат читателю.

Содержание

Женщины виноваты	4
Временный муж	13
I	13
II	21
III	33
IV	39
V	43
VI	50
VII	52
VIII	56
IX	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Женщины виноваты

За что, спрашиваете, я здесь на нарах сижу? А все из-за них, из-за женщин. Из-за любви к ним.

В канун женского дня, значит, выдали нам зарплату. Вот мы и решили поздравить женщин нашей базы с праздником. Поздравили, посидели хорошо. Смекаете? По дороге домой на оставшуюся зарплату я купил жене букетик фиалок. Такие маленькие фиолетовые цветочки. Очень даже симпатичные. Жене нравятся: они ей под цвет глаз подходят.

Вот иду, значит, никого не трогаю, в руке букетик цветов, а навстречу мужичок, такой весь... В шляпе. Идет и так весело через лужи прыгает на своих коротеньких ножках – скок да скок. Подошел к здоровенной луже и через нее – прыг. Распрыгался, козлик... Куда там ему было перепрыгнуть ее: он и до половины не допрыгнул. А тут я стою. Он меня и окатил весенней жижей. Я, конечно, не стерпел и спрашиваю его, но вежливо, без мата: «Куда тебя, падло, занесло? Не мог обойти? Твоими ножками только на стуле болтать, а не через лужи прыгать. Всего меня обдал, козел вонючий». А он вместо того, чтобы попросить прощения, мне так весело: «Да что вы такое говорите? Совсем чуть-чуть обрызгал. Вода весенняя – радоваться надо. Я вот полный ботинок воды набрал и ничего. Даже приятно. Весна. Праздник».

А я ему так культурно, без мата, говорю: «Ты, блин горелый, можешь лечь в эту лужу, если тебе приятно, – сейчас у нас демократия, – но на меня не брызгай. И если ты, огурец маринованный, гнида бледнолицая, сейчас же прощения не попросишь, то я тебе так брызну, что домой не дойдешь». В ответ он меня обозвал алкашом. А я этого не люблю. Я еще больше обиделся и решил его слегка проучить. И так легонько фиалками, которые я держал в руке, ударил его по лицу. Ну я же не виноват, что у него челюсть оказалась слабая и лопнула в двух местах.

Нас на машинах развозили: его в больницу, а меня сюда.

И чего все всполошились из-за поломанной челюсти? Ничего страшного в этом нет. Срастется. Мне самому ломали ее в молодости. Догадываетесь, из-за кого? Из-за женщины! Это когда я еще ухаживал за своей будущей женой. Ребята с ее улицы решили проучить меня, чтобы я не отбивал их девок. Проучили: я, как только из больницы вышел, сразу на ней женился – мужей-то не бьют из-за этого.

Так вот, самое неприятное в поломанной челюсти, это два месяца нельзя раскрыть рта. Нижнюю челюсть привязывают к верхней. И вот все это время можно цедить сквозь стиснутые зубы только жидкость. Но мне повезло: мне тогда выбили два зуба. Вот здесь. Я через эту дырку засовывал мелкие кусочки еды всякой и глотал. Больные с целыми зубами мне страшно завидовали. А как водку пить? Они ее процеживали сквозь зубы, а я пил ее как коктейль. Вставлю один конец

трубочки в дырку между зубами, а другой в стакан, и – ваше здоровье.

Да, всем известно, много неприятностей мы, мужчины, от женщин имеем. Я по себе сужу. Если я один – все нормально, но если с женой – быть беде.

Вот такой, например, случай недавно со мной произошел. Уговорила меня жена к своей матери, т. е. к моей теще, в воскресенье на своей машине съездить. Обычно мы на общественном транспорте ездим. Тогда можно и с тестем посидеть, поговорить, по лампадке антигрустинчика выпить, как он любит говорить. А если на машине, то, сами понимаете, с утра – в воскресенье! – пить нельзя, и разговор с тестем не будет клеиться. Знал я, что не нужно ехать на машине, но – уговорила. А кого они не уговорят? Поехали. Я чуть ли не каждый день по этому переулку «под кирпич» езджу – и ничего. Но это когда без жены. А здесь – сразу же за знаком на гаишника напоролся. Смекаете? Вышел я к нему, предъявил документы, а он мне: «Нарушаете, Юрий Петрович, придется вас наказать».

– Это нестрашно, – отвечаю, – я уже наказан, да еще как. К теще еду. Вот это наказание. Нет, не поймешь ты меня, – говорю я улыбающемуся гаишнику. – Это надо тещу иметь, да еще такую, как моя. Помнишь, как сказал классик:

*Я встретил вас – и все живое
В душе моей оборвалось.*

Это про мою тещу сказано. И вот я еду к ней и везу, – я кивнул на машину и рукой изобразил кобру. – Террариум! И мне нужно будет весь вечер находиться в нем. А ты о каком-то наказании говоришь.

Милиционер, уже не улыбаясь, вздохнул и сказал: «Я вас очень хорошо понимаю. У меня такая же теща. – Немного помолчал. – Ну, вот скажи, зачем это? Ну, как говорится, жена – Богом дана, и деваться здесь некуда, но зачем же нам, мужикам, еще и теща полагается?»

Мы еще немного посочувствовали друг другу, и он меня отпустил.

Нет, здесь я не спорю, все обошлось благодаря женщинам, но ведь все началось из-за того, что в машину села жена.

Или вот еще недавно случай был. Иду я, значит, с работы, настроение хорошее. Вижу на новом кафе «Апшерон» на бумажке объявление: «Всегда имеются свежие люля-кебабы». Смекаете? Вот, думаю, что значит предприниматель на себя работает: уже в кафе женщин предлагают. Да еще как хитро зовут. Нестандартно. Одним нравится, когда женщин девушками называют. Везде объявления: «Требуются девушки до тридцати лет». Другие женщин называют «телками», а здесь – бабы. А что, может, нравится это кому-нибудь – бабы, да еще и свежие. Ну, а «люля-ке», это, наверное, что-то по-французски, чтобы звучало. А основное слово «бабы» – по-русски. Прочитал я и решил зайти. Поинтересоваться, зна-

чит. Денег у меня не было и на сто грамм, не то что на женщин, но я все-таки зашел.

У двери «шкаф» сидит – «вышибала», догадался я. За стойкой бара такой же, но кавказской национальности. Вот я к нему и подошел. Поздоровался и так культурно спрашиваю: «Как у вас насчет девушек?» – «Какой такой девушка?» – бармен сделал вид, что не понял меня. Все он прекрасно понял. Только, видно, догадался, что у меня за душой ни копыя. «Свежий девушка», – ответил я ему, подмигивая. «Мы девушек не продаем. У нас кафе». – «Да я и не собираюсь их покупать. Так, на время. Посидеть, поговорить». – «Нет девушек», – отвечает бармен и подмигивает. Ну, думаю, разговор получается. Хотел я в ответ ему снова подмигнуть, но не успел. Кто-то подхватил меня под мышки, и я очутился на улице. Нет, меня никто не бил, только вот бок после этого почему-то две недели очень болел. Он и сейчас болит, если глубоко вздохнуть. Вот здесь.

Надо признать, что женщины оказывают на нас, мужиков, какое-то гипнотическое воздействие.

Друг у меня есть. Таксистом работает. Здоровый такой амбал. Гаишники всегда просят выйти из машины, чтобы сравнить его с фотографией на удостоверении. Его лицо в окно сразу все не разглядишь – не помещается. Бывает, молодые ребята отказываются платить за проезд, так он с ними такое сделает, что они после этого в два раза больше платят. А какой прекрасный рассказчик. Кажется, что он только три, нет,

четыре слова знает, но рассказывает очень интересно и понятно. Ну, это так, к слову. Так вот, ехал он однажды по улице, и вдруг перед машиной какая-то девка бросилась дороге переходить. Он по тормозам и, конечно, сразу открывает дверь и рот. Телка эта тоже остановилась, мило улыбнулась и так кокетливо пальчиком ему погрозила и пошла дальше. От такой наглости он забыл даже эти четыре слова и минут пять сидел с открытой дверью и ртом, вспоминал их. Потом отошел и все вспомнил.

А какие они, женщины, дают нам советы. «Брось пить». Такой совет может дать только женщина! Даже врач, если он мужчина, не посоветует такого. Это же надо бросить друзей, товарищей. Это же предательство! Я, например, на такое не способен.

Или еще. Жена говорит мужу: «Надень пару кальсон: на улице холодно». Она заботится лишь о том, чтобы муж нечего не отморозил, и ни о чем больше не думает. А если по большой нужде да в спешке он снимет одни кальсоны, а про другие забудет? Нет, женщины любят давать советы, но про последствия не думают.

Ну, а как вы бы относились к своей жене после вот такого случая?

Я пью ... не помню уже с какого возраста, но это неважно. У меня после, скажем так, банкетов никогда голова не болела, сколько и чего бы я ни выпил. Но вот однажды вечером мне жена говорит: «Хотя бы у тебя по утрам голова болела,

может, меньше бы пил». И все. Больше ничего. А на следующее утро просыпаюсь – голова болит. Да еще как! Ну прямо раскалывается, как будто кувалдой по ней двинули. И с тех пор почти каждое утро так. Накаркала.

«Вы хотя бы норму знали», – кричит. А что ее знать? Норма – выпить все, что есть. Кончится – и мы закончим.

Ничего не пропустит, все заметит, на все у нее замечание есть.

Как-то раз на даче, после бани, сижу на скамеечке и спокойно курю – отдыхаю, значит. И тут она: «Постыдился, – шипит, – кругом люди, а ты – в чем мать родила. Все же видно». Весь кайф испортила. Хотел я ей ответить, но подумал и понял, что здесь она права. Да, стыдно, но не потому, что видно, а потому, что ничего не видно. Вздохнул и закурил новую сигарету.

А какие они у нас умные. Жуть! Мою жену недавно назначили директором магазина. До этого она работала бухгалтером в этом же магазине, а теперь – директор. Паршивенький магазин, но – директор. Так она теперь имидж свой ищет. Я говорю ей, что если он есть, то он есть и искать его не надо. «Ты ничего не понимаешь. Ты даже не знаешь, что такое имидж», – она мне.

Может быть я чего-то и не понимаю, но что такое имидж и этот, как его, а вот вспомнил, менталитет – это я для себя уяснил четко. Менталитет – это когда и причины нет, и повода нет, и даже не хочется, но ты напиваешься до поросья-

чьего визгу. Это заложено у тебя внутри. А имидж – это что-то внешнее. Это когда в дымину пьяный, с разбитой мордой, весь в грязи ты изображаешь интеллигентного человека.

Вообще-то у общества, как говорят сейчас, двойной стандарт в отношениях к мужчинам и женщинам. Женщинам многое прощают. Вот, например, у классика есть пьеса, где молоденькая девушка говорит все: «Я – чайка! Я – чайка!». Затем она стала знаменитой, и ее до сих пор помнят. А сколько мужиков вот так вставляли, левую руку за спину, правую на грудь и говорили: «Я – Наполеон! Я – Наполеон!». Где они после этого оказывались? Смекаете? То-то же. А там, в психушке, всегда найдется Кутузов, который каждый день будет устраивать Бородинское сражение. Да, сколько таких Наполеонов пропало в неизвестности.

А разве женщин поймешь? Правильно классики говорили, что женщину до конца никогда не узнаешь.

У жены есть подруга. Ее муж, как говорится, не курит, не пьет и, как бы это покультурнее выразиться, в общем, не гуляет от жены. Как-то раз моя ей говорит: «Счастливая ты. Муж у тебя весь положительный. Все тебе завидуют». Так вы знаете, что она ответила? «Что здесь хорошего? Даже поругать его не за что. Так вот и живу. Скучота».

Вот и угоди им.

Что-что? Меня на свидание приглашают? Мужики, извините, я побежал. Жена пришла!

1998 г.

Временный муж

I

Лена воспитывалась без мужчин в доме – мамой и бабушкой. Дедушку Лена помнила плохо: он умер, когда ей не было и пяти лет. А отца у нее не было совсем. Нет, он, конечно, был где-то, но мать и бабушка об этом старались не говорить никогда. На все вопросы о нем они отвечали всегда односложно и непонятно: «Был, но разошлись», или «Не сошлись характерами». Вот и все, что знала Лена о своем отце. Мама даже вернулась в этот город к бабушке, чтобы быть подальше от бывшего мужа. Она была не оригинальна в своем поступке, а почти повторила путь своей мамы. Бабушка, родив дочь, Ленину маму, развелась с мужем, но они остались в хороших отношениях, и он, когда был жив, часто навещал их.

Воспитанная женщинами, Лена была почти уверена, что все зло от мужчин, и поэтому никогда не пыталась найти отца. Он тоже ее не искал, что успокаивало ее совесть. Как ей казалось, она неплохо жила и в таком обществе – обществе без мужчин. Был определенный круг знакомых, в основном незамужние женщины, были частые встречи с ними,

театры, концерты, музыка, мода; в большом мире с его часто неразрешимыми проблемами был свой маленький, привычный мир. Казалось, что жизнь складывалась прекрасно, но ...

– Послушай меня, тебе давно пора замуж, – очередной раз говорила ей мама.

Она уже давно уговаривала Елену родить ребенка, но только от законного мужа.

– Поженитесь, родите ребеночка и разведетесь. Мы с бабушкой без мужчин прожили – и ничего.

– Зачем же тогда замуж выходить? – возражала Лена. – Свадьба, расходы, а затем суд. Давай уж я так, без мужа, заведу ребенка. Если будет девочка, то известно, как воспитывать. А если мальчик? – Раздраженно. – Не нужны мне ни дети, ни тем более муж.

Лене не очень нравились эти разговоры о ребеночке, но мать была настойчива.

– Правильно, тебе не нужен муж на всю жизнь, потому что без него, поверь мне, лучше. Родишь, и мы выгоним его. Но без мужа рожать – безнравственно. Ты же не гулящая, чтобы без мужа рожать. Бабушка и я родили и разошлись.

– Выгоним ... Вот ты отца выгнала, и я не знаю о нем ничего. Разве это хорошо? Вспомни, сколько слез было в школе. У всех детей были отцы, а у меня – нет. Нет и все. Не умер, не ушел к другой женщине – просто нет. Я даже слова «папа» не знала. И теперь вы хотите, чтобы и мой ребенок

так же вырос, не зная, что у детей есть отцы, – Лена замолчала, вытирая выступившие слезы. – И давай закончим об этом разговор. Надоело.

Лене действительно все это порядком надоело, но вечерами, когда она оставалась дома, такие разговоры были обычным явлением. Сегодня она рассчитывала почитать очередной «розовый роман», – несмотря на нелюбовь к мужчинам, ей нравилась романная любовь мужчины и женщины, – но снова те же разговоры.

– Я его не выгоняла, – немного помолчав, ответила мать. – Мы просто культурно разошлись. Я даже не хотела, чтобы он платил алименты, но присудили, и я их откладывала на сберкнижку целых восемнадцать лет и, если бы не перестройка, ты была бы богатой невестой, – она грустно покачала головой и замолчала.

– А с твоим отцом мы не ругались, – продолжила она. – Просто он не достоин быть твоим воспитателем, – закончила мать и, поджав губы, отвернулась от дочери.

– У вас с бабушкой прямо-таки патологическая ненависть к мужчинам. Почему? Чем они вас обидели? Вы постоянно ими недовольны. Чем мой дед и отец провинились перед вами? Деда я знала: нормальный человек был, бабушке даже квартиру оставил. Я уверена, что и отец такой же. Но ты так его ненавидишь, что даже ничего мне о нем не рассказываешь.

Лена замолчала, искоса поглядывая на мать. Она не ожи-

дала от себя, что сможет высказать матери то, о чем думала давно. Но вот довели, и она высказала.

Мать на первый взгляд казалась тщедушной и слабОВОЛЬНОЙ женщиной, но на самом деле она была упрямой и почти всегда добивалась своего. Не торопясь, изо дня в день, болезненным и тихим голосом она просила, требовала и снова просила. Она не ругалась, не говорила громко, не злилась. Но лучше бы она кричала, била посуду, хлопала бы дверью, чем это тихое, настойчивое, проникающее во все поры тела: «Послушай меня». Оно звучало десятки, сотни раз за вечер и никуда от него нельзя было деться. Лена уговаривала себя не слышать его, убеждала себя, что это обычные слова, что она уже привыкла к ним и что они уже ее не трогают, просила мать, чтобы та их не произносила, но все без толку – они звучали вновь и вновь, и Лена в конце концов соглашалась с матерью.

– Не будем говорить о моем прошлом, о котором ты ничего не знаешь – и слава Богу, – после долгого раздумья мать решила ответить дочери. – Не будем, – и снова замолчала.

Лене стало жаль ее. Действительно, возможно, между родителями произошло что-то такое, о чем ей не следовало знать, но все же у нее отец был, и мать могла бы что-нибудь рассказать о нем.

Мать продолжала молчать, и Лена подумала, что тема о замужестве на сегодня закрыта. Она перевернула назад лист книги, которую пыталась читать, разговаривая с матерью. Но

мать встрепенулась и продолжила, приостановившийся было разговор.

– Послушай меня, ты бы нашла тогда сама мужчину поприличней, чтобы без всяких отклонений, если не хочешь тех, кого мы предлагаем. Например, Миша. Очень хороший человек. И напрасно ты ... – но Лена не дала ей закончить.

– Мама, пожалуйста, прекрати этот разговор. Не нужны мне твои ни Миша, ни Паша и никто мне не нужен.

– И я говорю, что постоянно они тебе не нужны, – подхватила мать.

– Временно, как оказалось, мне тоже не нужны, – сказала Лена и с шумом закрыла книгу.

Ее большие черные глаза наполнились влагой, и, чтобы не потекли слезы, она откинула голову на спинку кресла и молча уставилась в потолок. Мать внимательно смотрела на нее, осмысливая сказанное.

– Что ты этим хочешь сказать? – Помолчала, не отрывая глаз от дочери. – Ты хочешь сказать, что ты уже спала с мужчинами?

– Мама, мне уже двадцать шесть лет. – Лена еще внимательней принялась разглядывать потолок.

– Ну и что? Я вышла замуж девушкой в двадцать девять лет. Все было прилично.

– Тогда время было другое. Общество другое.

– Послушай меня, те, кто собирался замуж, всегда хранили свою честь. – Мать поджала губы и отвернулась от дочери.

– Но я же не собираюсь выходить замуж.

– Тем более надо блюсти себя.

Помолчали, думая каждый о своем. В такие минуты неплохой мир, в котором жила Лена, тяготил ее, и хотелось его изменить, но решимости и сил не было, и она просто молча плакала, глотая слезы.

– Так это правда, что ты уже не девушка? – вновь вернулась к разговору мать, искоса поглядывая на дочь.

– Я пошутила, мама. Успокойся, – горько усмехнулась Лена.

– Ну, слава Богу. Я уж подумала, что плохо воспитала свою дочь.

Заверения дочери, которые мать хотела услышать, успокоили ее, и, боясь, что это не так и при дальнейших расспросах все станет ясным, она окончила разговор.

– Пойду прилягу. Устала что-то я. Спокойной ночи, – попрощалась она с дочерью.

– Да, мама, я уже спала с мужчинами, но мне это не доставило никакого удовольствия, – прошептала она, вытирая слезы подвернувшейся салфеткой.

Она вновь раскрыла книгу, но читать о чужой любви почему-то не хотелось. Посидев бездумно несколько минут, она встала, подошла к окну и долго смотрела на окна соседних домов. За каждым окном была своя жизнь: кто-то веселился, а кто-то плакал, как она, где-то ссорились, а где-то мирились, объяснялись в любви или ненависти; кто-то уходил из

дома, а кто-то возвращался; где-то, конечно же, занимались любовью, зачинали ребенка. Ребенок... Она не испытывала материнских чувств, и ей было все равно будет у нее ребенок или нет. Но противиться матери уже не хватало сил. Надо было что-то решать, иначе ее жизнь с каждым днем будет становиться все хуже и хуже. Сегодня еще не было бабушки. Когда приезжала бабушка или они ездили к ней, то выступающие одним фронтом мама и бабушка всегда доводили ее до истерики.

Лена вспоминала свои связи с мужчинами, которые всегда быстро заканчивались в основном по ее инициативе. Ничего хорошего в этих знакомствах она не находила. Возможно, она не опытна в этих делах, и здесь какой-то особый подход нужен? Ведь некоторые мужчины были интересными, но все равно уходила от них она. «Самой, видно, мне не справиться», – думала она. Воспользоваться услугами подруг из «малого общества» она не хотела, да и не могли они ей помочь: сами в таком же положении.

«Здесь нужен опытный человек», – сделала вывод она.

– Мама, – Лена заглянула в спальню, – я схожу на полчасика к Даше.

– Что ты там забыла у этой гулящей девки? Всех мужиков к себе переводила, а замуж никак не выйдет. Да кто ее возьмет такую?! – слышался недовольный голос матери.

– Нормальная женщина. Это ты просто ее не любишь, вот и придираешься. Мне надо с ней по работе поговорить. Я

ключ взяла, так что звонить не буду.

II

Даша жила этажом выше. Жила весело, и мать была права. Мужчины бывали у нее часто и разные. Но Лена в личные дела Даши старалась не вникать. До сегодняшнего вечера.

Даша и Лена работали на одном предприятии, и столы их стояли рядом. Близкими подругами они не были, но общительный и доброжелательный характер Даши располагал к себе, и их отношения были хорошими. Однако вопросов, с какими шла Лена сейчас к ней, они не касались: Лена – следуя своим принципам, а Даша – зная отношение Лены к мужчинам. Сейчас, поднимаясь к ней по лестнице, Лена пыталась сформулировать свою просьбу так, чтобы она не выглядела смешной и не унижала бы ее. Но все оказалось значительно проще – Дарья была понятливой и опытной в этих вопросах. Она с первых же слов все поняла: для нее не было секретом желание мамы и бабушки Лены.

– Ты давай расскажи мне все. Нам, женщинам, чтобы облегчить душу, надо кому-нибудь поплакаться в жилетку. Вот ты мне и поплачься – сразу станет легче, – говорила Даша, расставляя чашки для чая на кухонном столе.

Немного полноватая, но стройная ее фигура, не останавливаясь, быстро перемещалась по кухне. Дашу нельзя было назвать красавицей, но русые от природы волосы, светлая

матовая кожа, серые глаза, полные губы делали ее привлекательной. Ее слегка полноватое лицо, чуть раскосые глаза, выразительный рот излучали такую доброту и участие, что обязательно задержишь взгляд на ее доброй улыбке, на приветливых глазах. И сама она имела привычку подолгу всматриваться своими светлыми глазами, окаймленными густыми, черными ресницами, в глаза и лицо собеседника, чем часто приводила того в замешательство.

Скоро чай был готов, и они уселись за стол. Даша не торопила Лену с рассказом, болтала о всяких пустяках.

– Ты знаешь, что от меня требуют мама и бабушка, – наконец начала Лена. – Мне нужен временный муж, чтобы родить ребенка. Потом надо будет развестись. Тогда в нашей семье будет все прекрасно.

– Да, конечно, знаю. Все соседи, наверное, об этом знают. – Даша отпила немного чая. – А плюнуть на их уговоры ты не можешь?

Лена отрицательно покачала головой, как-то жалобно улыбнулась и сказала:

– Бесхарактерная я. Все боюсь обидеть кого-нибудь. Мне спокойнее, когда я сама страдаю от этого, а не кто-то другой.

– Ты что, святой мученицей хочешь стать? Много же тебе придется терпеть.

Посмотрев на готовую заплакать Лену, Даша смягчила свои слова.

– Извини. Я не хотела тебя обидеть. А вот слезы в тво-

ем деле не помогут. Ты себя не ценишь: фигурка точенная, глазки – чернослив сладенький, губки алые – мечта мужчин. Давно бы замуж вышла, но ты настолько положительная, что ребята тебя опасаются. У тебя, наверное, в школе по поведению «пять с плюсом» было. На уроках ты держала руки на парте, а на переменах тихо стояла у стеночки, сложив руки на груди. Ведь так было? – Дарья весело, не изменяя своей привычке, смотрела прямо в глаза гостье.

– Да, примерно так и было, – улыбнулась та. – Я была отличницей, а по поведению все учителя меня в пример ставили. Мне, правда, попадало от ребят за это, но я на них никогда не жаловалась и никого не выдавала, если что натворят. Мне и сейчас никто не нужен: я бы сидела дома одна, читала бы книжку или вязала – и чтобы меня никто не трогал.

Сказав это, Лена как-то испугано посмотрела на Дашу. Та, вопреки своему обыкновению, сейчас смотрела в окно, подперев голову рукой, и вид у нее был совсем невеселый.

– Знаешь, раньше я не могла долго быть одна, – проговорила Даша, не отрывая глаз от уже посеревшего окна. – Мне всегда хотелось в компанию, к друзьям или просто к знакомым, где шум, веселье, мужчины, а сейчас все чаще и чаще хочется побыть одной. – Вздохнула: – Старею.

– А почему ты не замужем? – спросила Лена у приумолкнувшей хозяйки.

– Почему? Да разные причины. Сразу и не скажешь. – Она вновь замолчала, делая глоток уже остывшего чая. – Навер-

ное, я очень мужчин любила. Всех сразу. А меня, как оказалось, по-настоящему никто не любил. Такая, видно, судьба у нас, у натуральных блондинок: ты любишь, а тебя нет. Хотят только переспать с тобой – и все. Но вообще-то я была замужем. Недолго. Банальная история: перед свадьбой клялись в любви до гроба, а потом оказалось, что жена круглая дура, а муж – полный идиот, да еще и пить начал. Меньше чем через год разошлись. Встречались и еще такие, которые не прочь были жениться, но как-то все не складывалось: то я не спешила, то они. С одним уже в ЗАГС собрались, но он передумал: узнал, что у меня детей не может быть – неудачный аборт. Видно, он и не хотел жениться, а здесь такой повод отказаться. Не знаю. – Снова глоток чая. – Сначала меня это особо не волновало, а теперь даже страшно становится – одна остаюсь. Совсем одна.

– Ну вот, – перебила ее Лена, – уговаривала меня поплакаться, а сама слезу пустила. Ты еще молодая и еще найдешь мужа. И детей нарожаешь. Сейчас и не такие болезни лечат. Или в пробирке вырастят, а если не получится, то из детдома возьмете, – говорила Лена, поглаживая Дашины руки, безвольно лежащие на столе.

За окном уже совсем стемнело, а на востоке из-за домов поднималась немного ущербленная луна. Небо было безоблачным, и луна, только что поднявшаяся над горизонтом, была уже настолько яркой, что заглушала свет города.

– Полная луна всегда наводит меня на грустные мысли, а

здесь еще жизнь складывается не так, как хочется. – Даша неотрывно смотрела на луну. – Бывает такое настроение, что выть хочется, хотя я и не собака. – Даша вздохнула и уже веселей добавила: – А в молодости я любила полную луну. Она на меня мысли «окаянные» навевала, и я бегала к своему парню на свидание. Любовью занимались, как говорят сейчас. Видишь, какая я была беспутной. А сейчас отбегалась: луна только грусть нагоняет. Счастлива бываю, если кто-нибудь зайдет. Давай выпьем что-нибудь покрепче, – сменила она тему. – Ты что будешь, вино или водку? Вино. А мне водочка нравится. Мои гости больше о себе заботятся: водку не забывают приносить – вот я и привыкла. Но ты не смотри на меня так. Я пью только в компании и немного, хотя иногда так хочется напиться.

Дарья достала начатую бутылку водки и не откупоренную бутылку вина.

– Вино уже давно стоит, и я даже забыла, кто его принес. Где здесь нож? – Она срезала полиэтиленовую пробку и налила Лене, несмотря на ее протесты, полную рюмку. – Ничего страшного. В случае чего отнесу тебя домой. А мне горькую. Вот так.

– Меня мама убьет в случае чего. И тебе достанется, – засмеялась Лена, представив сцену встречи мамы с пьяной дочкой в сопровождении Даши.

– Ты меньше обращай внимание на маму. На то она и мама, чтобы следить за дочкой. Ну, за что выпьем? Давай за на-

ше бабье счастье. Удачи нам. Будь здорова. – Дарья опрокинула содержимое рюмки в рот, зажмурилась. – Ух! – Открыв глаза, она подхватила вилкой кусочек колбасы. – Сколько ее пью, а все равно передергивает.

Лена сделала несколько маленьких глотков и взяла конфету.

– Ты ешь больше, не бойся, не поправишься. У тебя фигура, как говорят врачи, не склонна к полноте. Даже я никаких ограничений не придерживаюсь – и ничего. Хотя есть у меня места, которые могли бы быть и поменьше, но они-то и привлекают мужчин. Это, наверное, природа обо мне заботится: фигуру поддерживает в таком состоянии уж много лет. Как у животных: хотят или нет того самцы и самки, но природа их в брачный период, для привлечения друг друга, разукрашивает. Так и моя фигура привлекает самцов в их брачный период. А я самка, и ничего с этим поделать не могу.

Луна поднялась выше, и теперь ее серебристый свет заглушал даже свет уличных фонарей. В тени домов была ночь, а на площадках дворов, залитых лунным светом – день. Сюда, на девятый этаж, с улицы через открытое окно доносился слабый шум вечернего города. Ветра не было. Душная ночь сменяла жаркий день.

– Луна, луна, – глядя в окно на чарующую таинственность лунной ночи, проговорила Даша. – Ужасно короткие ночи. Посмотри, какая луна, а через несколько часов она исчезнет – солнце взойдет. Луна, а следом солнце, – и неожиданно

продекламировала:

Молодая Луна

Вслед за Солнцем спешит.

Постареет – она

От Светила бежит.

– Вот так и в жизни. Сначала увлечешься кем-то, а затем, разобравшись, убегаешь.

Лена молчала, пытаясь понять, к чему эти стихи. Но Даша внезапно прервала свой монолог, словно вспомнила что-то важное. Несколько секунд луна удивленно рассматривала притихших женщин.

– Выпьем еще? – очнулась Даша.

– Нет, что ты! – испуганно пододвинула к себе рюмку Лена. – Мне хватит. В голове уже зашумело.

– А я еще немного выпью. Да, быстро жизнь пролетела, – после минутной паузы, связанной с закуской, продолжила Даша. – Ты извини меня за мою разговорчивость. Я и так люблю поговорить, а если выпью, то меня не остановишь.

– Ну что ты? Ты так интересно про все рассказываешь. Я тебе всегда завидовала, особенно тому, как ты при разговоре смотришь в глаза собеседнику – не все выдерживают.

– Это старая история. Меня этому научил руководитель школьного драмкружка. «Нечего бегать глазами по сцене, – говорил он, – привыкайте смотреть на лицо того, с кем вы

ведете диалог». Вот я и привыкла. Сначала на сцене, а потом и в жизни. Даже понравилось: ребята часто смущались, а мне это очень интересно было, и солгать трудно, когда тебе прямо в глаза смотрят.

Даша встала, включила электрический чайник, задумчиво постояла, держась за крышку.

– Что-то мы с тобой заболтались о пустяках. Давай к делу перейдем. Чайник уже нагрелся. – Она налила чаю себе и Лене.

– Тебе когда-нибудь мужчина подавал кофе в постель? – поинтересовалась Даша. – А мне подавал. Ты знаешь, очень приятно. Утром, только откроешь глаза, он подходит к тебе, нежно целует и спрашивает: «Милая, тебе сегодня кофе со сливками или просто кофе?». Ну какая разница, какой кофе, но ты, подумав, спрашиваешь: «А какая нынче погода? Ах, дождь. Тогда просто черный кофе и покрепче», – заявляешь. И он приносит тебе кофе с бутербродом – я от них никогда не отказывалась. Ах, какая это прелесть, пить поданный мужчиной кофе в постели. Но, к сожалению, у меня это продолжалось недолго. Скоро он перестал мне предлагать кофе, и я поняла – любви конец. Так и вышло. Разбежались. Но, знаешь, воспоминания остались. Не о нем, а о кофе, который он подавал в постель. Ну да ладно, что было, то прошло.

Даша, глядя в окно на луну, тихо помешивала ложечкой чай. Затем вернулась к основной теме:

– Значит, мама хочет, чтобы ты вышла замуж, родила и

развелась. Зачем такой огород городить? Это раньше было принято рожать от мужа, а сейчас никто не спросит, от кого.

– Бабушка и мама так воспитаны. Меня тоже так воспитывали, но, по правде говоря, мне все равно: буду я замужем или нет, будет ребенок или нет. Но я не могу идти против их воли. Если я рожу без мужа, то это убьет бабушку – у нее плохое сердце.

– Ничего с ними не случится. Переживут. Ты бы о себе подумала: тебе с мужем нужно не меньше года прожить. Как ты с нелюбимым мужиком жить будешь? Это таким бабам, как я, не страшно, а ты создание нежное, хрупкое. Тебе любовь подавай. На работе к тебе ребята боятся подходить: так строго на них смотришь. У нас же есть хорошие неженатые мужики, вот и выбрала бы кого-нибудь. – Она усмехнулась. – Хотя, если мужчина в тридцать лет не женат, то, как бы помягче выразиться, у него, наверное, не все в порядке. У нормального мужчины в таком возрасте должна быть жена. Правда, многие из них говорят, что не хотят потерять свободу, а поговоришь с ними, и ясно: они просто боятся. Боятся изменить жизнь, боятся ответственности за семью, просто боятся женщин. Вот и придумали они эту отговорку. Ты пей чай, а то остынет. – Она пододвинула к ней коробку конфет и продолжила: – Проще всего выйти замуж в восемнадцать лет. Где-нибудь в подворотне обнялись, поцеловались, голова закружилась: все – это любовь. Можно свадьбу справлять. А в тридцать надо все обдумать, взвесить. «Ведь так?» —спро-

сила она у притихшей Елены, думавшей о том, что правильно ли она поступила, обратившись с такой проблемой к Даше.

– Да, было, – очнулась Лена. – В шестнадцать лет, но тогда замуж было еще рано. Потом все прошло, и больше я не позволяла обнимать себя никому – старалась быть строгой. Да и никто мне не нравился, – оправдывалась она. – А сейчас, действительно, никто не подходит на должность мужа. Вот я пришла к тебе за советом, хотя и не знаю, какой ты совет можешь дать в таком личном деле.

– Все правильно. К кому-нибудь все равно ты бы обратилась. Можно в клуб «Кому за тридцать», можно по объявлению. Самой трудно определиться, а тебе нужно еще маме и бабушке угодить. Здесь должен быть большой выбор мужей, а у тебя его нет. Хотя, какой там у меня выбор? Ходил как-то ко мне мужчина: красивый, высокий, глаза и волосы черные. Все жаловался: жена не удовлетворяет ни морально, ни физически. А потом я узнала, что у него двое детей и парализованная мать, и все это на плечах его жены. Где же ей еще такого кобеля удовлетворять? Другие, наверное, не лучше. Дерьмо всякое ко мне ходит, – сделала вывод Даша.

– Зачем же ты их принимаешь?

– Зачем? Вопрос, конечно, интересный, – Дарья вздохнула, налила себе полрюмки водки, выпила. – Не могу я без мужиков. Так я уж устроена. Своего нет, вот я и принимаю чужих. – Она помолчала, закусывая. – Но и среди них встре-

чались неплохие мужики, – продолжила она перебор своих знакомых. – Всякое бывает. Не сложилась семейная жизнь, а развестись не решается или не может: дети, работа, общественность. Вот они и ищут временных подруг для души и тела. Жаль мне таких. Приходил ко мне и тот, с которым я хочу тебя познакомить. Не женат, так он мне сам сказал. Хороший мужик, особенно в постели. Тебя не шокирует такое знакомство? – поинтересовалась она. – Ну и правильно. Мальчика мы не найдем. Разве что больного, так он не нужен нам. Мне самой он понравился, но я его не интересую, да я и старше его. А тебе самый раз будет. Ты девочка красивая, умная – может, поженитесь. Если понравиться – на всю жизнь, а не захочет, то просто роди от него без замужества – никуда твои старухи не денутся. А если с ним ничего у нас не получится, то подыщем другого. Их много – не пропадем.

Часы показывали за полночь. Чай уже был выпит, и тему на первый раз можно было закрывать.

– Спасибо тебе, Даша, что хочешь помочь. Мне так стыдно было идти к тебе с таким вопросом, но решилась – деваться некуда. Хотя мне не очень верится, что так я мужа найду, но надо попробовать, – говорила Лена, направляясь к двери.

– Не вешай нос. Все зависит от нас. Когда бабы объединятся, то все смогут сделать. Ты только сразу не отвергай его, немного потерпи, присмотришься – возможно, понравится. Я постараюсь договориться с ним о встрече. Да, зовут его Влад. Владислав. Владей славой! Как тебе? – говорила уже в две-

рых она Лене. – До свидания. Встретимся на работе.

– Спокойной ночи, – и Елена направилась вниз по лестнице.

III

Первую их встречу Дарья решила организовать у себя. Елена будет под присмотром и при необходимости можно будет ей помочь.

У Елены ко всему происходящему было двойное чувство. Она не хотела замуж, не хотела нарушать сложившийся и устраивавший ее уют, тот мирок, в котором она пребывала уже много лет. Для себя она решила, что предстоящее знакомство ни к чему не обязывает и ни к чему не приведет. Все останется по-старому. Эта встреча будет чисто формальной: не подводить же Дашу. В то же время она волновалась, ожидая встречи: хотелось понравиться тому «хорошему мужику», которого она еще не знала, но с которым ее уже что-то связывало. Почему? Этого она сказать не могла.

Она сходила в парикмахерскую, приготовила платье, туфли, прокручивала в голове все возможные варианты знакомства, последующие разговоры. Чем меньше оставалось времени до встречи, тем больше ее охватывало волнение, а в самый последний момент, когда она уже одетая стояла в прихожей у зеркала, внося последние штрихи в свой облик, она вдруг решила: «Не пойду. Мне такое знакомство не нужно. Ей он нравится – пусть она его и окручивает. Мужа я как-нибудь найду сама».

С этими мыслями пришло спокойствие. Она сняла туфли и вернулась в комнату. Мать, догадывающаяся о предстоящей встрече и делающая вид, что этот уход ей не нравится, вдруг заволновалась.

– Ты что, передумала идти?

– Да, мама, передумала.

– Почему? Может, это важная встреча. Потом жалеть будешь, что не пошла.

Обе уселись перед телевизором, внимательно разглядывая картинки рекламы, мелькавшие там.

– А кто он? Я его знаю? – спросила, не поворачивая головы, мать.

– Почему ты решила, что я иду к нему?

– Ну, прическа, платье... Сколько волнений. Не для женщины же ты так нарядилась. И если обещала...

– Ты, кажется, не хотела, чтобы я уходила, – начала раздражаться дочь, – а теперь почти что прогоняешь.

– Никто тебя не прогоняет. – Мать еще внимательней стала рассматривать рекламу.

Вечер обещал быть... Но, как часто бывает, вдруг зазвонил телефон. Отвечать на телефонные звонки – обязанность Лены, и, не надеясь, что это правило будет изменено, она сняла трубку.

– Подруга, ты что делаешь? Тебе уже давно пора пить чай у меня, а ты все еще собираешься.

– Даша, прости, но я решила не идти.

– Что? Я такой сценарий расписала, а ты в кусты? Нет. Давай быстро ко мне. Он уже звонил и вот-вот появится. Потом, когда он придет, будет труднее вписаться. Никаких «нет». Быстро иди ко мне. Все. Жду, – трубка щелкнула и запищала.

«Все равно через это надо будет пройти», – грустно подумала Лена.

– Я ухожу, мама.

Та, не зная, что сказать, сделала вид, что увлечена рекламой новых моющих средств и лишь махнула рукой.

Через пару минут Даша встречала Лену.

– Ты что же, испугалась, что ничего не выйдет? Не бойся. Ты вон какая молодая и красивая. Если захочешь, он будет твой: ни один мужик не устоит перед тобой.

– Вот этого я и боюсь, – Лена виновато стояла у двери.

– Радоваться надо, что можешь завлечь мужчину.

– Я не этого боюсь. Я боюсь, наверное, изменить свою нынешнюю жизнь. Хотя, если подумать, какая это жизнь?

Лена прошла вслед за Дашей на кухню, где уже на столе стояли две чашки, пирожное.

– Садись. – Даша указала ей место, а сама принялась разливать чай. – К своей нынешней жизни ты всегда успеешь вернуться. Нужно попробовать новую обрести, – подвинула к Лене пирожное. – Сейчас сделаем так: ты пришла ко мне поболтать без предупреждения, а его я пригласила еще вчера. Вот так «неожиданно» и произойдет ваша встреча. Ты не

бойся его, он сдержанный, культурный, без твоего согласия пальцем до тебя не дотронется, но чтобы его завоевать, особой премудрости не потребуется. Я его немного знаю – меня, старуху, на тебя сразу поменяет. К тому же у нас с ним друг перед другом никаких обязательств нет, так что успех гарантирую, – говорила Даша, не забывая, между прочим, о пирожных. – Ты расслабься немного, а то больно уж ты скованная. Я буду рядом.

Они успели выпить по чашке чая, обсудить какие-то новости по работе. Даша даже слегка заволновалась – где он? Но вот наконец раздался долгожданный звонок. Лена вздрогнула и испуганно посмотрела на Дашу. Та, успокаивая, погладила ее по плечу и пошла открывать дверь.

После короткого перешептывания в прихожей, на кухне появился мужчина в светлых брюках и белой рубашке с короткими рукавами. Черные, немного волнистые волосы и темно-карие глаза поблескивали в свете ламп. На смуглом от загара лице была дежурная улыбка и нескрываемое любопытство. Он подошел к Лене и быстро окинул ее оценивающим взглядом.

– Познакомьтесь, – показалась из-за его спины Даша, – это моя соседка и сослуживица Елена Борисовна, Лена, а это – Владислав Петрович.

– Просто Влад, зачем так официально? – негромко зазвучал его приятный баритон. Он протянул Лене руку. – Рад познакомиться.

– Лена забрела ко мне посудачить. Заодно решили и чай попить, – «извинялась» Дарья.

– Ничего, ничего. И я с вами попью. – Он посмотрел на хозяйку. – Я по дороге заглянул в магазин и купил кое-что.

Он достал из пакета бутылку водки и коробку конфет.

– Мне пора домой, – Лена встала, собираясь уйти.

– Сидите, сидите, – Владислав взял ее за руки и усадил на место. – Вы нам не мешаете, а беседа втроем даже интереснее будет.

Даша поддержала его:

– Сиди. Успеешь домой.

Лена с удовольствием ушла бы домой из-за страха, который все еще не покинул ее.

– Ну, разве что недолго, – тихо проговорила она, усаживаясь на место.

Владислав продолжал держать ее руки, словно боясь, что она вновь захочет уйти. Руки у него были сухими и теплыми: теплыми, наверное, потому что ей было зябко даже в такой жаркий вечер.

На столе появилась знакомая бутылка вина.

– И у меня кое-что в запасе есть, – говорила Даша, ставя на стол приборы, закуску. – Чай допьем потом.

Влад действительно оказался интересным собеседником. Он артистически рассказывал забавные истории, смешные случаи из жизни, знал и умел преподносить анекдоты. Постепенно Лена расслабилась, много смеялась и говорила. На-

конец она решила, что ей действительно пора домой.

– Я провожу тебя, – быстро встал из-за стола Влад. – Даша, ты извини, сегодня я не смогу задержаться. Дела, понимаешь ли, ждут.

Даша пожала плечами и незаметно подмигнула Лене. Та натянуто улыбнулась в ответ – волнение охватило ее вновь: ее будет провожать мужчина, на которого они с Дашей сделали ставку. Как себя с ним вести, она не знала. Но она напрасно боялась: проводив до двери ее квартиры, он на прощание поцеловал ей руку и попросил разрешения позвонить ей завтра. Она не возражала.

IV

На следующее свидание Лена, которое было назначено на ближайший вечер, надела белое платье с глубоким декольте. Это красивое, из тонкой материи платье было куплено давно, но она его еще ни разу не надевала: не было случая. И вот случай, как она решила, представился. Не разношенные, под цвет платья туфли были тесны, но красота требует жертв, и она надела их. Золотая цепочка с небольшим кулоном в виде крестика на слегка загорелой коже груди и золотые сережки дополняли ансамбль.

В тот вечер они просто гуляли по городу, по набережной реки, говорили обо всем, но только не о себе. Когда совсем стемнело, они уселись под «грибок» небольшого кафе у реки, мороженное запивали терпким сухим вином и любовались панорамой противоположного берега широкой в этом месте реки. Неяркий свет фонарей с высокой набережной не достигал воды, и она казалась черной и неподвижной; свет фонарей другого берега змейками добежал до середины реки и пропадал в темноте под набережной, лишь изредка вспыхивая неярким блеском на волнах.

На небе, сквозь рассеянный свет вечернего города, проглядывали неяркие звезды. Их было немного, а матовый свет огромной луны делал их почти невидимыми. Откинувшись

на стуле и запрокинув голову, Влад молча рассматривал их.

– Ты когда-нибудь смотрела на звезды? Нет, не просто смотреть, а пытаться представить себе, что это такое, на каком расстоянии от нас они находятся, и кто мы в этом мире? – спросил он Лену.

– Ну, наверное, они очень далеко от нас.

– Вот, вот. С ума сойти можно, если попытаешься представить себе все это. От самой близкой звезды, не считая Солнца, свет идет к нам четыре года, не встречая на своем пути ничего. Представляешь!? И в таком огромном пространстве лишь две звезды. Остальные звезды еще дальше от нас. Они настолько далеки, что кажутся нам светящимися точками, несмотря на свои гигантские размеры. Одни звезды ярче, другие слабее, но все они для нас – точки. Ты можешь себе представить эту чудовищную бесконечность времени и пространства?

Влад замолчал, глядя на звезды, свет от которых смог пробиться сквозь зарево города, и они тусклыми, слабо мерцающими точками говорили о существовании других миров Вселенной. Лена так же смотрела на эти звезды, пытаясь представить все, о чем говорил Влад.

– У меня и мысли такие не появляются. – Лена оторвала взгляд от звезд и посмотрела на Влада. – Наверное, потому, что я увлекаюсь в основном «розовыми романами», где пишут о любви и чаще всего о несчастной.

– Ну почему? Есть книги и про счастливую любовь. Книги

рождаются из жизни, а в жизни есть все: и счастье, и трагедия, и комедия. Но, наверное, больше всего все же счастья. Ведь у каждого человека свое счастье. В силу знания, или незнания, или каких-то убеждений он сам составляет себе понятие о счастье и стремится к нему. Один всю жизнь чувствует себя счастливым человеком, а другой так и не может достичь счастья. Ведь оно на дороге не валяется. Представление о счастье надо выбирать по своим силам.

– Ты так умно рассуждаешь, – улыбнулась Лена, – а сам ты счастлив?

– Сейчас да, потому что ты со мной.

– Спасибо, что ты обо мне такого высокого мнения, но я не про это. Вообще, ты счастлив?

– Трудно сказать. Наверное, нет. Жизнь складывается не так, как мне хочется. Но не будем обо всей жизни. Нам сейчас хорошо, ну и ладно. – Он посмотрел на часы. – Время позднее – пора домой.

– Ты знаешь, я не могу идти. Ноги растерла. – Она виновато улыбнулась, наклонилась и погладила растертые места.

– А тыними туфли и, как говорил классик, будешь счастлива.

– Я их уже давно сняла, да надеть не могу – больно.

– Ну, это не беда. Я сейчас поймаю «мотор», и мы быстро доберемся домой.

Когда «мотор» был пойман, Влад, несмотря на протесты, легко поднял ее на руки и понес в машину. Чтобы не упасть,

она вынуждена была обхватить его шею руками и невольно прижаться к нему. Сквозь тонкую ткань рубашки она чувствовала его напрягшиеся мышцы, его горячее тело, но это длилось несколько секунд: машина стояла близко. Она даже с некоторым сожалением разжала руки, когда он осторожно опустил ее на сидение машины. То же повторилось и у подъезда, но в лифт она вошла одна.

– Как насчет завтрашней встречи? – спросил он, не отпуская двери.

– Куда же мне с такими ногами? Мне бы на работу да с работы добраться.

– Я позвоню тебе на работу, тогда и договоримся.

Он поцеловал ей руку, и лифт унес ее на восьмой этаж.

V

На следующий день Даша подседа к Лене, и той пришлось все подробно рассказать о прошедшем randevу.

– Так, полдела сделано, – довольным тоном подытожила Даша. – Теперь приглашай домой. Повод есть – растертые ноги. Ты ведь сейчас одна в квартире?

– Да, бабушке нездоровится, и мама уехала ухаживать за ней.

– Вот и хорошо. У него есть машина – пусть тебя отвезет домой. Пить ему нельзя, так как он за рулем, значит, все будет нормально. Ты его еще поддержи на расстоянии, пока не созреет. И ты привыкнешь к нему. А там видно будет. Мы будем встречаться и намечать планы, как полководцы перед битвой. Пока, как я поняла, ты не разочарована.

Как и предполагалось, Влад отвез ее домой, Лена пригласила его выпить чашку кофе, он, конечно, согласился. И вот они сидят за столом, пьют кофе. Он снова много говорит, вспоминает вчерашний вечер, планирует будущие встречи. Она от волнения отвечает невпопад – разговор не клеится.

«Ну почему так? – думала Лена. – Ведь два вечера мы провели хорошо, я не была такой зажатой. И слова находились. Вино, – вдруг осенило ее. – Я была слегка пьяна».

Теперь ее мысли занимала начатая бутылка вина, стояв-

шая в шкафу на кухне. Наконец она решилась.

– Что это мы после работы пьем только кофе? Я сейчас что-нибудь найду поесть.

Влад не возражал. Она пошла на кухню, достала бутылку вина и, немного поколебавшись, налила в рюмку и выпила. Подождала несколько секунд и с бутылкой и закуской вернулась к Владу, лениво листавшему журнал мод.

– Здесь у меня немного вина осталось от какого-то праздника. Ты не возражаешь?

– Вообще-то, я за рулем, но, чтобы тебе не скучно было, поддержу, – сказал Влад, отодвигая в сторону журнал. – Мне чуть-чуть. – Он разлил вино по рюмкам. – За тебя.

От волнения или оттого, что вино не крепкое, но рюмка, выпитая ранее, никакого эффекта не дала, и Лена выпила вторую до дна. Немного насытившись, они возобновили разговор. Теперь Лена более активно участвовала в нем: вино все же было достаточно крепким. Во время разговора Влад взял ее руки в свои, начал их гладить, говоря о нежной коже, о длинных пальцах, о розовых ноготках. Его слова ласкали слух, прикосновения к рукам отзывались во всем теле легкой дрожью. Повернув ладони вверх, он сказал:

– Давай посмотрим, что говорят твои линии. Вот линия жизни – непрерывная, но слегка изогнута. Она говорит о том, что ты будешь жить долго, будут проблемы, но они легко разрешимы.

Далее он в шутливой форме поведал о ее прошлом и буду-

щем, которое он высмотрел в ее линиях. Закончив предсказания, он поцеловал ей руки, каждый палец в отдельности, прижал ее ладони к своему лицу. Ей все это было приятно и волнительно. Она провела ладошкой по его мягким, слегка взлохмаченным волосам, Влад порывисто притянул ее к себе и поцеловал в губы. Она на мгновение притихла, но потом, спохватившись, отодвинулась от него и сказала:

– Ой, мы все съели. Я сейчас принесу еще что-нибудь.

– Подожди, – тихо промолвил он, – Бог с ней, с этой едой.

Подойди ко мне.

Лена приблизилась. Он усадил ее к себе на колени, поправил ей прическу, внимательно посмотрел на нее, словно оценивая.

– Какая ты красивая. Мне так нравятся твои прямые, такие тяжелые волосы, с каштановым отливом. Эта прическа придает тебе строгость, но ведь ты не строгая?

– Не знаю, – прошептала она. – Не знаю.

Она вдруг вспомнила слова, сказанные Дашей, что Влад «хороший мужик в постели», и ей стало любопытно. Ей казалось, что все мужики одинаковы, но этого Даша почему-то выделила.

– А черные глаза, – продолжал Влад, – они такие большие, выразительные. В них отражается твое настроение. Сейчас ты счастлива и немного испугана. Можно, я их поцелую?

Лена не возражала. Она испытывала удовольствие сидеть вот так у него на коленях, одной рукой обнимая его плечи,

а другой приглаживать его непослушные волосы. Все глупости, которые он говорил, были такими милыми и желанными. Не испытываемая ранее истома заполнила тело, голова немного кружилась. «Это от вина», – счастливо подумала она.

– Припухшие губки, – продолжал он, слегка дотрагиваясь до ее губ. – Такие бывают только у маленьких девочек. Они созданы для поцелуев.

Он уже не спрашивал разрешения. Целуя губы, Влад ласкал ее шею; отрываясь на короткое время от губ, что-то говорил ей. Лена уже не разбирала слов: она слышала только музыку его голоса. Но когда он коснулся груди, она вздрогнула, отодвинула его руку и тихо сказала:

– Не надо.

Встала с его колен, одернула платье, подошла к трюмо и расческой стала поправлять прическу.

«Что это я застеснялась? – подумала она. – Разве я не для этого с ним знакомясь? Разве не для этого я его пригласила к себе? Днем раньше или позже, но это должно случиться».

Влад подошел сзади и нежно взял ее за плечи.

– Я что-то сделал не так? – спросил он, глядя на нее в зеркало и вдыхая аромат ее волос.

Лена не отвечала, продолжая расчесывать концы волос. Он губами отыскал ее ухо и начал его целовать. Затем он повернул ее к себе, поцеловал ее лоб, глаза, губы. Она, уронив расческу, обхватила его шею руками. Голова кружилась, а по

телу поднималась необъяснимая теплая волна, захватывая ее всю, туманя голову. Теперь она позволяла ему все: его руки обжигали тело, грудь, но это только усиливало охвативший ее дурман. Он начал снимать с нее платье. Ей показалось, что он это делает слишком медленно и неумело, и она молча принялась помогать ему. Наконец оно было снято. Она стояла перед ним в маленьком бюстгальтере и трусиках. Влад ласкал ее тело, целовал грудь, живот, ноги. Она стояла неподвижно, лишь ерошила ему волосы на прикинувшейся к бедрам голове. Только когда он попытался найти застёжки бюстгальтера на спине, она тихо сказала:

– Здесь, – и положила его руку на свою грудь.

Он улыбнулся – оплошал, – расстегнул бюстгальтер и снял его. Небольшие груди удивленно смотрела на него розовыми сосками. Влад немного отстранился и прошептал:

– Какая красота!

Кончиками пальцев обеих рук дотронулся до сосков, погладил темные ободки. Затем он начал их целовать. Голова кружилась, грудь ее произвольно высоко поднималась на вдохе, ноги подкашивались, стоять было тяжело. Она оторвала его голову от груди.

– Пойдем на кровать, – тихо произнесла она.

Он подхватил ее на руки и отнес в спальню. Не опуская ее, он сдернул покрывало и, целуя в губы, положил на кровать. Она начала расстегивать пуговицы на его рубашке, но пальцы плохо слушались и он, помогая ей, быстро снял ру-

башку через голову. Снова поцелуи, ласки, тяжесть его желанного тела. Казалось, что на теле уже не осталось ни пятнышка, которого не коснулись его руки, его губы. Губы. Какое наслаждение испытывало тело, когда они касались его, а они, не останавливаясь, проходили по нему сверху вниз, снизу вверх, и каждый раз, когда губы прикасались к бедрам, тело вздрагивало, дыхание перехватывало, волны улады медленно прокатывались от бедер к голове, все сильнее туманя ее. Хотелось большего, но она, вверив себя и свое тело ему, сдерживаясь, молча наслаждалась происходящим с ней. Но скоро она не выдержала и сама начала обнимать его, без стеснения ласкать его всего. Все остальное она помнила смутно. Помнила только свое напрягшееся тело, и как каждое его движение заставляло ее вздрагивать и ей хотелось стонать, но она заставляла себя молчать и лишь время от времени вжимала его сухое, приятно пахнущее, напряженное тело в себя. Затем волны блаженства захлестнули ее, освободив тихие короткие стоны. Словно понимая, что она желает их заглушить, Влад закрыл ее рот своим долгим поцелуем.

Успокоившись, она лежала на спине, пытаясь понять, что с ней происходит, почему с другими мужчинами даже намек на такое сумасшедшее наслаждение не было. Она не могла управлять собой, ее разум был – если он был – где-то далеко. Тело жило своей жизнью, удовлетворяя свои желания.

«Тело. Нужно любить не только головой, душой, но и телом, – медленно появлялись мысли в начинающей светлеть

голове. – Другие мне просто нравилось, но Влада полюбило и тело. Но наслаждалось не только оно. Я сейчас такая счастливая, что плакать хочется. Значит, я вся люблю Влада». – Глупые, счастливые мысли – других сейчас не было.

Влад тихо лежал рядом, подложив ей руку под голову. Она вспомнила, как сжимала его в своих объятиях – где только силы взялись, – как ласкала его тело, как пыталась заглушить порочный стон.

– Я плохо себя вела? – тихо спросила она, повернувшись к нему всем телом.

– Ну что ты, все было прекрасно. Мне кажется, что ты немного боялась. – Он также повернулся к ней, сбросил с нее простыню, немного отстранился, рассматривая ее. Ей почему-то не было стыдно под его изучающим взглядом, ей даже хотелось этого. Хотелось, чтобы он увидел, какое у нее красивое тело, какая мягкая, бархатистая кожа. Ей хотелось, чтобы и он полюбил ее всю.

Свободной рукой он ласкал ей груди, долго задерживался на сосках, спускался ниже на живот, бедра. По телу вновь начали подниматься горячие волны. Теперь она уже знала, что это такое и хотела этого. Его тело было рядом, и она с напускным любопытством начала сначала осторожно, а затем все смелее изучать его. Поглаживала грудь, покрытую мелкими, волнистыми волосами, живот. И вдруг неожиданно для себя сказала:

– Я хочу это еще.

VI

На следующий день Даша подошла к Лене и начала расспрашивать о вчерашнем вечере. Лене можно было и не отвечать: счастливое лицо говорило, что все прекрасно.

– Ну что, все было, как я говорила?

– Да, почти все. Он не пил – я напилась, – отвечала Лена, и темные ее глаза излучали счастье.

– Напилась и не устояла, – резюмировала Даша.

– Это называется «не устояла?» Не знаю, кто не устоял, но я об это ничуть не жалею, – Лена, как-то непривычно для нее, томно улыбалась.

– Он обещал еще встретиться, или сказал «прощай», – насторожилась Даша.

– Обещал. Сегодня после работы.

– Ну, Ленка, ты молодец. Я думала, что у тебя будут проблемы с постельным режимом, а у вас все хорошо и прекрасно. Значит, я могу удалиться?

– Ну что ты, Даша, я тебе очень благодарна, за то, что ты познакомила меня с ним. Я думаю, что ты нам мешать не будешь.

– Ну что ж, я очень рада, что у вас складывается все хорошо. – Даша действительно была довольна собой

– Ничего у нас еще не складывается. Только вечер вместе

провели. В постели. Вот и все, пока, наши отношения.

– Лиха беда начало, как говорится. Ты только не спеши в него влюбляться по уши. Пока слегка можно, но не больше. Не торопись. Ты же его совсем не знаешь. Я тоже его плохо знаю. Побольше расспрашивай его, присматривайся, а то он может оказаться котом в мешке.

– Ты знаешь, сначала я так же думала, а сейчас обо всем забыла и думаю только о встрече. Я уверена, что когда мы встретимся, я все забуду, о чем мы сейчас говорили. – Лена сладко потягивалась, подняв сцепленные руки над головой.

– Ленка, я тебя не узнаю. В один миг изменилась. Я даже не догадывалась, что такое бывает в жизни.

– А я совсем об этом никогда и не думала, – беззаботно отвечала та, – а сейчас вот я не дождусь вечера, когда мы встретимся вновь и останемся одни. Я ничего не соображаю. Как будто мне не двадцать шесть, а шестнадцать лет. Один поцелуй – и все кувыркком. Я собой сейчас не управляю. Меня несет куда-то, но желания сопротивляться этому, у меня нет.

– Ой, Ленка, что-то мне на душе тревожно. Не верю я в быстрое счастье. Его надо выстрадать, за него надо побороться. А у тебя – вот оно. И такое большое. Ох, тревожно мне. Дай Бог, чтобы у тебя это счастье было настоящим и долгим.

– Спасибо. Мы как-нибудь зайдем к тебе.

– Вот, уже и «мы». Ну, дай-то Бог.

VII

Прошло больше двух месяцев со дня первой встречи Лены с Владом. Не послушалась Лена, влюбилась и сразу «по уши». Все это время она жила как в тумане; встречи и воспоминания о них заполняли ее жизнь до отказа. Она больше ни о ком не могла думать, кроме как о нем, об их беседах, о совместных прогулках, о его ласках. И он постоянно говорил, что любит ее, что еще больше наполняло ее сердце радостью. По правде говоря, первоначальная цель знакомства была полностью забыта, и она просто наслаждалась жизнью, радовалась тому, что он есть, что они вместе, была счастлива встречами. Все остальное казалось ей таким мелочным, ненужным. Все, кроме его нежных слов, его рук, губ, тела. Ей казалось, что мир ограничен только им, а жизнь состоит только из их свиданий. Это было какое-то наваждение. Иногда она пыталась очнуться, освободиться от этого безумия, но это только заставляло еще больше думать о нем, об их встречах – и она решила не противиться. Ее не волновало то, что он не торопился знакомиться с ее матерью, не предлагал встретиться со своими родными, хотя и много хорошего говорил о них. Все это было где-то далеко. Рядом был он, и этого было достаточно.

Она ходила с Владом в те же театры, что и с подруга-

ми, смотрела фильмы в тех же кинотеатрах, гуляла по тем же улицам. Вокруг было все то же, что и раньше, но мир изменился, границы его расширились, он стал интересным, необъятным. В нем, кроме женщин, появились ранее не замечаемые ею мужчины. Лена смотрела на них и сравнивала с Вадимом – он был лучше. Так ей казалось, и она не хотела убеждать себя в обратном. Теперь она поняла, что не только «без женщин жить нельзя на свете», но и жизнь без мужчин – не жизнь.

О своих радостях она часто рассказывала Даше. Та радовалась за них и немного завидовала.

– Ты вся светишься. Раньше ты была красива грустной красотой, а сейчас – радостной. Посмотришь на тебя, и у самой на душе светло становится, – говорила она Лене.

Лена смущенно улыбалась.

– И улыбка какая-то другая у тебя стала, и вся ты выглядишь немного прибалделой.

– Вот! А я все искала слово, каким можно было выразить мое состояние. Прибалделая! Точно! Только не немного, а совсем обалдела я, Даша, – Лена продолжала улыбаться своим мыслям. – Ты не представляешь, как это хорошо любить. Я так счастлива. У меня совершенно другая жизнь стала, более полная, что ли. – Помолчала. – Мне стыдно признаться, но мне, оказывается, и мужик нужен. Я не могу дождаться встречи, не могу дождаться, когда мы останемся одни. Сколько лет прожила и не знала, что так бывает в жизни. Ду-

мала, что это только в романах фантазируют. Если я начинаю думать о нем, то меня иногда даже в жар бросает, дурно становится от воспоминаний. Это какое-то сумасшествие.

Даша восторженно смотрела на нее.

– Ну, Влад, молодец: быстро разбудил в тебе женщину. Талант, ничего не скажешь.

Лена застенчиво улыбнулась и опустила глаза, передвинула стопку бумаг с одного края стола на другой.

– Ты знаешь, – начала она, не поднимая глаз, – я никогда не думала, что так будет. И не думала, что об этом вот так просто с кем-то можно будет говорить. Для меня всегда это была запрещенная зона – сюда не заходить. А сейчас... Мне даже разговор об этом доставляет удовольствие, и кажется, что я сейчас вот возьму и начну рассказывать, как это происходило между нами. Совсем очумела от счастья. Ты точно подметила – прибалделая я, – последние слова Лена не произнесла, а пропела, и глубоко вздохнула.

– Мне об этом можешь не говорить. Я сама прошла через такое, с той лишь разницей, что ты одного любишь, а я любила нескольких. Дурой была. Одного мне было мало. Ну хорошо, это цветочки, а ягодки будут? О свадьбе разговор был? Может, поженитесь не на время, а навсегда.

– Что ты! Еще рано о свадьбе. Мы ведь только два месяца встречаемся.

– Она говорит, что только два месяца. В постель пошла на четвертый день знакомства, и не считаешь, что скоро.

– На третий, – улыбнулась Лена. – Постель – это проще, чем замужество. Но ты права: сейчас я бы согласилась на всю жизнь.

– Не узнаю я тебя, Ленка. Мне казалось, что для тебя постель сложнее. Как меняет любовь людей. С ума сойти можно!

Помолчали, думая каждый о своем.

– Блаженная ты, Ленка, – Даша вздохнула, посмотрела на счастливую подругу. – Мне бы радоваться надо, что у тебя все хорошо, а не могу. Беспокойно мне.

VIII

Прошло несколько дней. Был поздний вечер, когда Даше позвонил Влад и попросил разрешения зайти к ней. Спустя некоторое время он молча сидел у нее на кухне, дожидаясь, когда она приготовит закуску к бутылке водки, которую он, придя, поставил на стол.

– Со свиданьем, – произнес он тост. – Разговор у меня не простой – без бутылки не разобраться, – продолжал он, закусывая.

– Что случилось? Это касается Елены? – насторожилась Дарья.

– Да, Елены. Ну и меня тоже – сказал он, наливая еще по рюмке.

– Какую-нибудь гадость скажешь. Точно! Ведь ты не будешь меня просить, чтобы я сосватала за тебя Лену? Сам бы справился. – Даша не дотронулась до рюмки.

– Это точно. С этим я бы справился. Твое здоровье. – Влад выпил еще.

– Ну говори, не томи.

– Вообще, дело простое, – он пожевал колбасу, глядя в стену напротив. – Я ведь женат. И давно.

– Как женат? – От неожиданности Даша расплескала водку из своей рюмки. – Ты же говорил, что не женат.

– Это говорил, а так я женат.

– Почему же ты это Лене не сказал? Девке голову заморочил, а теперь пришел ко мне виниться? Кобель здоровый, ты что же, не видел, что она в тебя влюбляется? Надо было сразу сказать об этом и прекращать встречи.

– Откуда же я знал, что так получится? Я думал, что ей хочется поразвлечься, вот ты меня ей и подсунула.

– Ну вот, мальчик нашелся, не понял, кто развлекался. Что, я сама не могла с тобой поразвлечься? Познакомила я вас потому, что на вашей свадьбе хотелось погулять. А ты уже женат! И я, старая дура, поверила тебе. Обвел вокруг пальца, как девчонку! Я думала, что вижу вас, кобелей, насквозь, но нет, недоглядела.

– Она мне тоже понравилась, поэтому сразу бросить не смог. И, больше того, я даже в нее влюбился. Не смотри на меня так. Что, я такой уж законченный подлец, что не могу влюбиться?

– Конечно, подлец. Но я не про это думаю. Я думаю, что мы Лене скажем. Ну, кобель! Тебе жены мало, что по бабам шастаешь? Как она тебя терпит? – вновь напустилась на него Даша.

– Терпит. Я ее, а она меня. Так и живем, если это можно назвать жизнью, – Влад отвернулся к окну.

– Ну это ваши проблемы. Что делать с Леной? Она же на тебя не надышится. В психушку попадет, когда узнает об этом. Говорила я ей, чтобы не торопилась – нет, не послу-

шалась. – Дарья выпила оставшуюся в рюмке водку. – Налей еще, действительно, без бутылки не разберешься.

Они выпили молча, не закусывая.

– Не берет, зараза, – Дарья кивнула на бутылку. – Когда не надо, так только нюхни – в голову шибанет, а сейчас ни в одном глазу. Дети есть? – вернулась она к прерванному разговору.

– Детей нет. Жена не хочет себе обузу заводить. Я бы не прочь, но она категорически против этого.

– Слушай, разведись ты с ней. Зачем такая жена нужна? Женись на Ленке, она нарожает тебе детей – вон какая здоровая: не пьет, не курит. Вы такая красивая пара. Будете прекрасно жить. Хотя, о чем это я говорю? Тебя ничем и возле этой жены не удержишь. Как только представиться случай – сразу налево побежишь. В тебе это уже сидит крепко.

– Что ты меня совсем захаяла? – он обижено отвернулся к окну. Пожевал колбасу. – Не даст она мне развода: ей удобно иметь мужа, – продолжил он разговор. – Пока я ни у кого не задерживался долго, она молчала. А здесь, видно, догадалась, что у меня серьезный роман, и потребовала, чтобы я его прервал. В противном случае обещала поднять шум, а он мне и, тем более, Лене совсем не нужен. Вот я и пришел к тебе за советом. – Он наполнил рюмки водкой, выпил. – Да, действительно ни в одном глазу. Бутылку водки выпили.

– За советом он пришел. Раньше надо было приходиться. Какой я совет тебе могу дать?

– Ну, не совет, а так. Поговори с ней. Объясни. У тебя это лучше получится. К тому же ты нас знакомила, значит, в какой-то мере, ты причастна к этому.

– Я причастна! Может, скажешь, что я и виновата? Хотя, если разобраться – виновата. Приласкала тогда тебя, даже не узнала о тебе ничего и подсунула подруге. Свинью подсунула. Конечно, я виновата.

– Я не хотел бы бросать Лену, но обстоятельства так складываются, что нам нужно прекратить встречаться. Может, на время: не знаю, как пойдут дела. Я попытаюсь что-нибудь придумать.

–«Обстоятельства складываются». «Что-нибудь придумать». Как это знакомо! Ты сейчас наговоришь много, лишь бы отпустили, а там ищи ветра в поле. – Дарья встала, прошлась по кухне. – Что, водка кончилась? Всегда принесут одну бутылку, чтобы им только хватило.

– Я могу сбежать еще. – Влад вскочил.

– Сиди. Разбегался. По бабам да за водкой ты горазд бегать. Хватит нам, – помолчала, глядя в темное окно. – Не представляю, как это все я Лене скажу.

Влад отрешенно сидел за столом, вертя в руках пустую бутылку.

– Ох, чуяло мое сердце, что это для Ленки добром не кончится. Уж все ладно и хорошо у вас было. Она последнее время прямо светится вся. И вот ее – помоями из ушата. Тебе бы это понравилось? Девка молодая, не испорченная. Жи-

ла бы у мамы с бабушкой и горя не знала, так нет же, познакомилась с мужчиной – и вот такой поворот. А может это к лучшему? – Она посмотрела на Влада. – Что плечами пожимаешь? Доволен, наверное, что эта мысль у меня появилась? Ну, все, – Дарья решительно встала из-за стола, – давай, вали отсюда. Я тебя найду, если нужен будешь.

– Спасибо тебе, Даша, выручила. Я неделю мучился, не знал, что делать, пока не решил к тебе обратиться за помощью.

– Иди, иди. Рано еще спасибо говорить. Нашел помощницу, мерзавец. Сейчас бы тебя этой бутылкой по голове, да на кладбище – всем бы хорошо было. Я еще не знаю, чем дело кончится.

Даша шумно начала убирать со стола посуду.

IX

Разговор с Леной у Даши на кухне был трудным. Даша долго не решалась сказать о главном, пыталась подготовить ее, но Лена настолько была влюблена и верила Владу, что на «подготовку» никакого внимания не обращала. Когда же Даша сказала прямо, что Влад женат, та сначала не поверила.

– Это шутка, да? Ты хочешь проверить, как я к этому отнесусь? А знаешь, мне все равно: женат он или нет. Он меня любит, и мы будем вместе, и счастливы.

Даша, еще пытаясь смягчить поступок Влада, сказала:

– Но у него жена, и она может потребовать, чтобы он не встречался с тобой.

– Он ее и слушать не будет, – уверенно отвечала Лена. – Он без меня жить не может.

– Леночка, дорогая, ведь тебе же не шестнадцать лет, чтобы верить в это. Ты должна уже понимать, что если он еще не бросил жены, то у него есть на это причины, а у жены всегда найдутся веские основания заставить его перестать встречаться с тобой.

Лена побледнела и, глядя помутневшими глазами на Дашу, спросила:

– Ты хочешь сказать, что Влад меня бросил?

Даша помедлила с ответом, подбирая слова.

– Ну, не совсем так. Он сказал, что сейчас с тобой не может встречаться. Жена догадывается и грозит устроить скандал. А развода не дает, – соврала она, так как знала наверняка, что Влад с женой о разводе не говорил: у них уже сложились определенные отношения, устраивающие обоих, и менять их ни Влад, ни его жена не собирались.

– Почему он мне сам не сказал?

– Побоялся истерики с твоей стороны, наверное.

– Я хочу с ним встретиться. Как мне найти его? Дай мне его адрес, телефон, – быстро говорила она, глядя глазами, полными слез, на Дашу.

– Ну зачем тебе это? Ты ничего не сможешь изменить, если он не захочет. Он не желает даже встречаться с тобой, поэтому и попросил меня сказать тебе о своем решении.

– Я не верю, – шептала Лена, вытирая слезы. – Это ты нарочно говоришь так о Владе, чтобы я отказалась от него. Ведь он тебе нравится – ты сама говорила мне об этом. Я не верю тебе, – она почти выкрикнула последние слова.

– Дурочка. Если бы я рассчитывала на него, то я бы вас не познакомила, а теперь, когда я все это узнала, он мне совершенно не нужен. Не хватало мне драки из-за мужика.

– Прости меня, Даша, я сама не понимаю, что говорю. Голова идет кругом, ничего не соображает.

Лицо ее от горя и слез как-то сморщилось, под глазами было черно от размазанной туши, и она уже была совсем другой Леной: не счастливой и радостной, как несколько минут

назад, а скорбной, разбитой горем женщиной. Даша, глядя на нее, сама готова была разреветься от такой несправедливости.

– Как я буду без него? Я не смогу без него, – прошептала Лена. – Здесь что-то не так. Не мог он от меня вот так просто отказаться. Он же меня любит, а кого любят – от тех не уходят, – она все еще пыталась защитить себя и Влада.

Даша принесла ей валерьянки, воды. Немного успокоившись, Лена продолжала:

– Я же день и ночь думаю о нем. Он весь во мне, понимаешь? И теперь я его не буду видеть, не буду его слышать. Как это? Зачем мне теперь жить? Я не вижу смысла жизни без него.

Даша сжала ей руки, отбросила упавшие на мокрое лицо темно-каштановые волосы, вытерла ладонью слезы. Вспомнились молодые годы, когда она так же страдала после ухода того, кого она любила, но расставаться с жизнью она никогда не думала.

– Успокойся. Все мужики одинаковые – погуляют с нами и бросают. Может, и хорошо, что это сейчас случилось, а не позже. Не переживай: мы найдем получше Влада. Что Влад? Хороший мужик – не более. Как только трудности, так сразу в кусты. Забудь о нем, – говорила она, продолжая гладить плечи Лене. – Давай лучше вина выпьем. По маленькой.

Она встала, принесла бутылку вина, коробку конфет. Протянула наполненную красным вином рюмку Лене.

– Выпей, это лучше всяких успокоительных помогает.

Лена взяла протянутую рюмку.

– Как ты можешь так говорить, что найдем лучше Влада? Ведь я его люблю, и мне больше никто не нужен.

– Ну, что ты так переживаешь? Я вот так любила с десятков и с каждым расставалась со слезами – и ничего, жива еще, и мужики до сих пор засматриваются на меня. – Даша трянула русыми волосами.

– Нет, ты так не любила, как я. Я с ума сойду без него.

– Конечно, так, как ты любишь, так никто не любит. Каждый любит по-своему, но когда бросают – больно всем одинаково. Так что давай, выпьем, чтобы несчастной любви было меньше.

Лена поставила рюмку на стол.

– Мне, наверное, пить нельзя. Мне кажется, что я беременная.

– Лена, что я слышу? Ты молчишь об этом, а плачешь о каком-то паршивом мужичке? Да тебе радоваться надо. Это же сразу все меняет. Вот тебе и смысл жизни нашелся. – Даша обняла улыбающуюся сквозь еще не высохшие слезы, Лену. – Зачем нам теперь нужен этот Влад? Он свое дело сделал, и нам от него больше ничего не надо. У тебя будет ребенок! Ты же этого хотела? Подумаешь, большая беда – без мужа. Ну и что? Мама твоя никуда не денется и смирится с этим. И все будет прекрасно. – Даша перевела дух. – Теперь нужно, чтобы ты не волновалась. Тебе только радовать-

ся можно, – если слезы, то только слезы радости.

– Ну как я буду радоваться после этого? – Слезы вновь выступили у нее на глазах. – Я не смогу его забыть.

– Забудешь, поверь моему опыту, – Даша подняла рюмку. – За здоровье твое и твоего малыша.

Лена поблагодарила, но, несмотря на все старания Даши, она еще не отошла от потрясения. Ей казалось, что это дурной сон, что скоро он пройдет, Даша скажет, что она пошутила, а из комнаты выйдет Влад, обнимет ее и поцелует, и все будет по-прежнему. Но вопрос Даши снова вернул ее к действительности.

– Лена, а Влад знает о ребенке?

– Нет. Ведь я еще и сама полностью не уверена.

– Что, за все время встреч у вас и разговора об этом не было?

Лена немного помолчала, пытаясь вспомнить, о чем она говорила с Владом последнее время.

– Совсем недавно он интересовался, не боюсь ли я забеременеть. Я ответила, что не боюсь. Больше разговора на эту тему не было. Мы просто наслаждались друг другом. Вот и все. – Лена выжидающе смотрела на Дашу.

– Теперь мне понятно, почему он заторопился: он просто испугался, что ты ему подаришь сына или дочь, а это в его планы не входило.

– О чем ты говоришь? Я уверена, что если он узнает о ребенке, он сразу же вернется ко мне, – у Лены вновь на глазах

показались слезы.

– Подружка моя, поверь мне, старой шлюхе, которая перевидала много таких вот мужиков: если ты не хочешь больших неприятностей, то забудь о Владе раз и навсегда. – Даша погладила Лену по волосам, ладонью вытерла появившуюся слезу. – Ты еще не знаешь, какие концерты они закатывают, чтобы уговорить женщину сделать аборт – и часто уговаривают. Зачем тебе такое нужно? Ведь ты хотела иметь ребенка от здорового мужика – ты будешь его иметь. Как я понимаю, больше тебе и не нужно было. Это ты потом вошла во вкус. Если быть честными до конца, то надо сказать, что наша программа минимум выполнена. Так что забудь о нем. Теперь думай только о будущем ребенке. – Даша встала, давая понять, что разговор на эту тему окончен. – Все, достаточно о нем: с сегодняшнего дня я беру шефство над тобой. Сама я не вынашивала ребеночка, но об этом знаю почти все, правда, понаслышке. Но ничего, справимся. – Она уже вошла в роль шефа. – Как я понимаю, это у тебя уже почти два месяца. Завтра тебе надо сходить в женскую консультацию и встать на учет. Нет, мы пойдем вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.